

Ширин Шафиева

САЛЬСА
ВЕРЕТЕНО
и ноль по Гринвичу

Москва
2020

УДК 821.161.1-31(479.24)
ББК 84(5Азе)-44
Ш30

Иллюстрация на обложке
Magdalena Pagowska
Художественное оформление серии
Юлии Девятовой

Шафиева, Ширин.
Ш30 Сальса, Веретено и ноль по Гринвичу / Ширин Шафиева. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-110063-6

У каждой катастрофы бывают предвестники, будь то странное поведение птиц и зверей, или внезапный отлив, или небо, приобретенное не свойственный ему цвет. Но лишь тот, кто живет в ожидании катастрофы, способен разглядеть эти знаки.

Бану смогла. Ведь именно ее любовь стала отправной точкой приближающегося конца света.

Все началось в конце июля. Увлеченная рассказом подруги о невероятных вечеринках Бану записывается в школу сальсы и... влюбляется в своего Учителя.

Каждое его движение — лишний удар сердца, каждое его слово дрожью отзывается внутри. Это похоже на проклятие, на дурной сон. Но почему никто, кроме нее, этого не видит? Не видит и того, что море обмелело, а над городом повисла огромная Луна, красная, как сицилийский апельсин.

Что-то страшное уводит Бану в темноту, овладевает ее душой, заставляет любить и умирать. И она уже готова поддаться, готова навсегда раствориться в последнем танце. Танце на костях.

УДК 821.161.1-31(479.24)
ББК 84(5Азе)-44

ISBN 978-5-04-110063-6

© Шафиева Ш., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сальса и Веретено

А вы подхватывайте: «Скок в яму, скок со дна, не сломай веретена. Крутись, крутись, прялица, пока не развалится. Это вор-ключник, увезший хозяйскую дочь».

У. Шекспир, «Гамлет»

Всё началось в конце июля, когда на Апшероне стоит такая жара, что плавится асфальт, а море становится тёплым и липким, как кровь. Лейла, Бану и Мансура сидели на даче и ели арбуз с овечьим сыром. Бану никогда не понимала, как можно сладкое заедать солёным, ужас какой, поэтому она ела только арбуз и старалась не смотреть на сыр. Сквозь окна большого полукруглого ризалита кухни, где они расположились, были видны песчаный участок, заросший сорняками, с несколькими саженцами у дальней стены забора и двумя вполне взрослыми инжировыми деревьями, недостроенный дом, а за ним — голое, залитое солнцем кладбище. Горячий влажный ветер с той стороны нёс едва уловимый, но жуткий запах мертвечины. Впрочем, аромат мог исходить и от мусорной свалки, устроенной рядом с кладбищем. Девушки закрыли бы окна, но в этом случае они рисковали спечься

заживо. Снаружи возле окон болтались двое рабочих, которым полагалось облицовывать дом жёлтым, как масло, известняком. Вместо этого один из них таращился на девушек, которые надели яркие шорты, второй же с безучастным видом курил, бросая окурки в яму, вырытую два года назад под бассейн. В яме поселился ёж.

Мансура, учившаяся в Лондоне, рассказывала подругам о вечеринках сальсы:

— Англичан там почти нет, зато иностранцев полно. Больше чёрных, конечно. Вообще это ужасно весело.

Измученный скукой и настойчивым летним зноем мозг Бану уцепился за слово «весело». Она находилась в том подвешенном состоянии, которое обычно сопровождает молодых людей, только что получивших высшее образование и размышляющих, а правильно ли вообще они выбрали специальность. Её снедала тоска по новым впечатлениям.

6 — Что за сальса? — спросила Бану, выплёвывая арбузные семена на тарелку. — Она сложная?

— Да нет, ерунда. — Мансура состроила пренебрежительную гримаску и встала, чтобы показать основные шаги: — Раз, два, три — пять, шесть, семь. — Она легко перебирала крепкими ногами в такт счёту, гипнотизируя рабочего, который даже рот разинул. Бану показалось, что она слышит легкомысленный ритм, почти примиривший её с припекающим солнцем, и этот ритм нахально запульсировал у неё в крови. Она потянулась; ей захотелось танцевать.

— У нас будет полно свободного времени в этом году, — сказала Лейла. — Давай пойдём на сальсу?

— Давай, — согласилась Бану и пошла мыть липкие от арбузного сока лицо и руки.

Снаружи раздался вопль: рабочий, который курил, случайно соскользнул в яму для бассейна.

Маятник Рока, стоявший до сих пор неподвижно, вздрогнул и закачался.

На крыше пятнадцатипятиэтажного здания гостиницы, что победоносно возвышалось над окружающей его старой застройкой, устроили кафе. Здесь всё стоило очень дорого, кухня была дрянная, а персонал — наглый, но место считалось престижным и поэтому процветало, особенно в жаркий сезон. Под пыльными жёлтыми зонтиками расположились люди — по двое или по трое, но разговоров было мало, потому что большинство посетителей сидело, уткнувшись в свои телефоны. Экраны отражали алое пятно заходящего солнца, нагонявшего тоску и лень. Никто даже не бросал косых взглядов на одинокую девушку, заказавшую коктейль «Пина Колада» («Только сделайте покрепче, можно?»). Когда официант принёс расфуфыренный, похожий на откровенно ядовитый гриб коктейль, девушка, немного поразмыслив, решила всё же сфотографировать его. Наложив на фотографию модный фильтр, девушка выставила её в Instagram и отметила место: кафе Parfenon, а потом, недолго поколебавшись, написала: «Мой последний коктейль, ням-ням:((((». Затем она выпила его, не почувствовав вкуса пересошим языком, попросила счёт, оставила деньги и, подойдя к ограждению крыши, переметнулась через него. Горячий встречный поток воздуха опалил лицо. Полёт был недолгим, но у самой

земли девушка вдруг вспомнила, что забыла оставить смазливому официанту чаевые. Однако возвращаться было уже поздно.

В это же самое время на пляже компания из ста человек всю развлекалась под горячие латинские ритмы, словно недостаточно было им сорокапятиградусного зноя (лето выдалось аномально жарким даже для этой местности). Здесь тряслись в такт музыке совсем юные девушки и взрослые дамочки в бикини, стройные и не очень, с телами упругими и рыхлыми, белокожие и смуглые, и мужчины, молодые и не совсем, демонстрировавшие все формы волосатости — у одних густая шерсть покрывала спину, плечи и шею, других лишь в стратегических местах украшал пикантный пушок. Впрочем, самое гладкое и ухоженное тело в этом сборище предпочло упаковаться в белоснежную майку с американской проймой и бриджи.

8 Это был немолодой уже, но отчаянно молодящийся загорелый мужчина с веретенообразной фигурой и шеей длинной, как у гуся. Он скакал с микрофоном по шаткому дощатому настилу, возвышаясь над толпой и заводя её кривлянием и шуточками, понятными только посвящённым. Толпа воздевала к нему руки, словно он был некий мессия. Позади главаря трудился, истекая потом, диджей. Под ногами у собравшихся вертелся фотограф-доброволец.

Многие посетители пляжа — в основном женщины — не сводили с танцоров глаз и спрашивали друг у друга: «Что это за весёлая компания?» И пляшущие среди обгрызенных початков кукурузы и пластиковых бутылок люди им охотно отвеча-

ли: «Мы — клуб сальсы, а это — наш Учитель». Кто-то из загорающих полез в телефон, чтобы «лайкнуть» страничку клуба в Facebook. Мало ли что.

Когда главный танцор, не переставая нести в микрофон околесицу, спустился со сцены к своим питомцам, одна из них — зрелая, расплывающаяся в разные стороны женщина с большими зовущими глазами — незаметно и нежно скользнула рукой по его упитанному заду. Мужчина не обернулся, но его огромный фиолетовый рот изогнулся в самодовольной улыбке.

Море выплюнуло на берег маленького мёртвого тюленя, и его раздувшаяся тушка, окутанная водорослями, долго ещё перекатывалась в волнах, привлекая нездоровое внимание детей.

Похороны проходили невесело. Причина этого, как предполагала Фатма, тётя покойной, крылась в том, что в них принимали участие совсем молодые люди, студенты младшего курса, почти дети. Для некоторых это были первые похороны. Они ещё не успели приобрести светских привычек, необходимых каждому, кто любит развлекаться на похоронах, поминках и на сорока дней. (О, сорок дней — один из любимых праздников! На него никогда не зовут кого попало, быть приглашённым туда — великая честь, а уж какой плов там подают — прямо язык проглотишь!) Фатма была настоящей мастерицей в подобного рода мероприятиях. И сейчас она сновала по квартире, отыскивая своих многочисленных знакомых среди людей, пришедших помянуть, посмотреть и, чего уж греха таить, обсудить вволю. А обсудить было что. Шутка ли — покойница девятнадцати лет прыгнула с небо-

скрёба, упившись спиртным! Она даже не оставила никакой записки, кроме этих дурацких статусов в этих непонятных социальных сетях. Фатьма слушала разговоры и ощущала некоторое презрение к говорившим. Сама она была не стара — ей недавно стукнуло тридцать пять, — и интернет не казался Фатьме источником греха и разврата. Профессиональное чутьё подсказывало ей, что в этой трагической истории дело не обошлось без какого-нибудь парня, черноокого, темноволосого. Ну так в Баку все примерно такие, а остальное было скрыто от Фатьмы словно туманом. К тому же при каждой попытке подумать об этом черноглазое незнакомце у неё начинала болеть голова, и ей вдруг — впервые за все годы, богатые опытом посещения похорон, — захотелось домой.

Нет, Фатьма не была чёрствой или бессердечной, свою племянницу она любила, и ей было искренне жаль её родителей, у которых лица от горя застыли, словно посмертные маски. Но в ничего не подозревающей Фатьме таился великолепный философ, поэтому, когда сестра позвонила ей и нечеловеческим голосом проревела новость в трубку, в один момент она нашла тысячи причин, по которым ей не следовало предаваться скорби чересчур активно.

— Я узнаю, почему она сделала это, — раздался вдруг позади неё шёпот. А потом повторился, громче: — Я узнаю, почему она это сделала! — И снова, почти криком, так что все обернулись и зашикали с неподдельным возмущением: — Я узнаю правду!!!

То сдали нервы у сокурсника погибшей Афсаны, тощего и невысокого юноши, он волочился за ней при жизни, докучая и вызывая раздражение,

и, судя по всему, не собирался оставить её в покое даже после смерти. Фатъма покачала головой, уронив на выскобленный пол пару-тройку длинных чёрных волос. Она знала, что такое рвение никогда ещё не приводило к положительным результатам. В лучшем случае мальчишка останется с разбитым невыполненной клятвой сердцем.

Фатъма разносила гюлаб — розовую воду для омовения рук и лица, ибо в свои тридцать пять она была девушкой, нет, не старой девой, а убеждённой девственницей — это ведь не одно и то же. Женщины растирали воду ладонями, проводили ими по лицу, и в воздухе разливался нагой, чувственный аромат роз, призванный прогнать излишнюю тоску, а Фатъма вдруг подумала: до чего же он неуместен на похоронах. И тут же поняла, почему всё идёт сегодня не так, как надо. Причиной было не отсутствие обычной оживлённой болтовни, какая бывает, когда потеря общего знакомого собирает давно не видевшихся людей («Ой, как ты похудела, машаллах, тьфу-тьфу, не сглазить!»). И не жидковатый чай, и не твёрдые комки, затесавшиеся в халве, заставляли людей, даже самых бывалых, смущённо переминаться с ноги на ногу и произносить нелепости. Странное любовное томление повисло над белой палаткой, разбитой поперёк улицы и перекрывшей движение транспорта, любовное томление дышало в углах квартиры, из которой вынесли тело, дрожало жарким приторным маревом над горькой полыньёю кладбища — оно сбивало с толку и сводило с ума. Словно любовь, как настоящий убийца, пришла на похороны своей жертвы, чтобы посмеяться в лицо всем присутствующим. Словно бедная невинная девушка, вступившая в неведомую

для неё до сих пор схватку с любовью, потерпела поражение, и теперь её не успокоившаяся душа самоубийцы распространяла вокруг себя истому, полную сожаления о том, что так и не случилось.

Нарушив законы и традиции, Фатъма настояла на том, чтобы присутствовать на погребении. Ей не посмели отказать. Когда на глаза покойной упала горсть жёлтой земли, из ямы с возмущённым шипением поднялась большая пятнистая гюрза, распугав толпу суровых мужчин, и медленно уползла на запад.

Юношу, который решил во что бы то ни стало добраться до истины, звали Байрам, что означает «Праздник». Он любил напоминать себе об этом в те моменты, когда его постигали жестокие разочарования, а постигали они его часто. Он сардонически ухмылялся судьбе и тайком ненавидел родителей, словно они были виноваты в том, что чары имени не сработали: жизнь его, как ни крути, нисколько не напоминала праздник. Вернувшись домой после похорон, он ушёл в свою маленькую комнатку, игнорируя мать, которая умоляла его поесть, заперся и просидел на кровати три часа в неподвижности и молчании. Затем он почувствовал голод, приоткрыл дверь и спросил:

— Еда ещё осталась?

— Осталась, — ответила мать голосом, полным недружелюбия. — Только остыла.

— Согрей да.

— Сам согрей, — отрезала родительница и ушла говорить по телефону.

Байрам закрыл дверь и вернулся на кровать, приняв на сей раз горизонтальное положение. «Я

страдаю, а меня даже не хотят накормить, — подумал он. — И родной матери я не нужен». Некоторое время он упивался этой мыслью, придумывая разные сюжеты своего суицида. Когда фантазия иссякла и ему надоело лежать, Байрам открыл Facebook и погрузился в изучение последнего месяца жизни своей ненаглядной Афсаны. Несмотря на неугасающий и вроде бы даже болезненный интерес к ней, он ни разу не удосужился пойти и посмотреть, как она танцует, хотя по всему было ясно, что эта сальса играла в её жизни чуть ли не главную роль. Все последние посты так или иначе были связаны с танцами. От фотографий с вечеринок, где Афсана предстала в откровенных (на взгляд Байрама) нарядах в обнимку с самыми разными парнями, у Байрама закружилась голова, и эта запоздалая ревность ощущалась даже острее, чем если бы девушка была жива. Самое обидное заключалось в том, что больше половины этих наглецов выглядели едва ли лучше самого Байрама, и тем не менее им досталось то, чего никогда не доставалось ему. Байрам злился, но ему и в голову не пришло упрекнуть себя за то, что он не догадался пойти на танцы, потому что он не привык действовать или принимать самостоятельные решения. Как и многие другие люди его формата, Байрам в глубине души считал себя невероятно прекрасным и искренне злился и недоумевал, когда девушки его отвергали. При этом ради налаживания личной жизни он не хотел пальцем о палец ударить, даже для Афсаны. Но теперь что-то изменилось. Он словно приподнял завесу и увидел краем глаза прекрасный, запретный, недоступный простому смертному мир, где жили существа иного склада, где веселье текло рекой и где все бы-

ли друзьями. Этот мир кидал ему вызов. Откинувшись на кровать и уставившись в покрытый тёмными разводами потолок, Байрам подумал: «Я пойду туда в память о ней». С потолка сорвался кусок штукатурки и упал в паре сантиметров от головы Байрама, испачкав синтетическое пушистое покрывало с изображенным на нем ухмыляющимся тигром.

Бану проводила время в приятной праздности. Защитив магистерскую диссертацию — не без успеха, — она наслаждалась бездельем, чего не могла себе позволить с тех пор, как впервые пошла в школу: жизнь её была образцово-показательной, покорённые вершины следовали одна за другой, она не знала, что означает «прожигать жизнь», и мечтала попробовать. Для начала она категорически отказалась устраиваться на работу, где её почти наверняка ожидала встреча с бывшими сокурсниками, от которых она только недавно избавилась.

14 — Зачем мне работа? — с вызовом, в котором сквозила тайная горечь, вопрошала Бану. — Одежду покупать я не люблю, друзей у меня нет, куда не хожу.

И хотя и то и другое было правдой лишь отчасти, сама она твёрдо верила в то, что говорила. Она берегла своё одиночество, как кошка бережёт котят, а в ознаменование начала «прожигания жизни» прочла всего Гюстава Флобера. Флобер ей категорически не понравился, только полная насилья «Саламбо» пришлась по вкусу. Не то чтобы эта книга вдохновила Бану, но ей снова вздумалось написать грандиозный роман. По утрам, когда никто не мешал ей, Бану наполняла тишину мягким шуршанием клавиатуры.

— Это будет бестселлер, вот увидишь! — гордо сообщила она Лейле, и та с истовой верой в подругу покивала головой, давая понять, что терпеливо подождёт, пока роман будет написан, чтобы прочесть его. Такая история повторялась уже несколько раз. Не видевшая жизни, но не обделённая фантазией юная писательница постоянно порождала нежизнеспособные творения. Некоторые бестселлеры Бану умирали на первых же страницах, иногда ей по инерции удавалось протаранить аж половину романа, но всякий раз, однажды перечитав написанное, она понимала, что это не более чем поток сознания, отправляла всё в архив и больше к нему не возвращалась.

Бану бездельничала в своё удовольствие, а тем временем пришёл октябрь с его последним ласковым теплом, за которым обычно наступает резкий, как спуск на американских горках, скачок в зимний холод. Тогда начинает дуть резкий ветер, характерный для Баку, одно из поэтических самоназваний которого — Город Ветров. Говорят, что сейчас уже ветра не такие злые, как раньше, благодаря новым высоким домам, которые повылезали за последние десять лет, как грибы после дождя. И всё же в городе оставались ещё места для любителей экстрима. Однажды Бану своими глазами видела, как на продуваемом отрезке пути от ворот её университета до главного корпуса паренёк наклонился на сорок пять градусов от земли и лежал в таком положении некоторое время, поддерживаемый мощным потоком воздуха. Словом, время, когда в Баку дуют ветры, — самое неподходящее для тех, кто любит носить пышные развевающиеся юбки и распущенные волосы.

